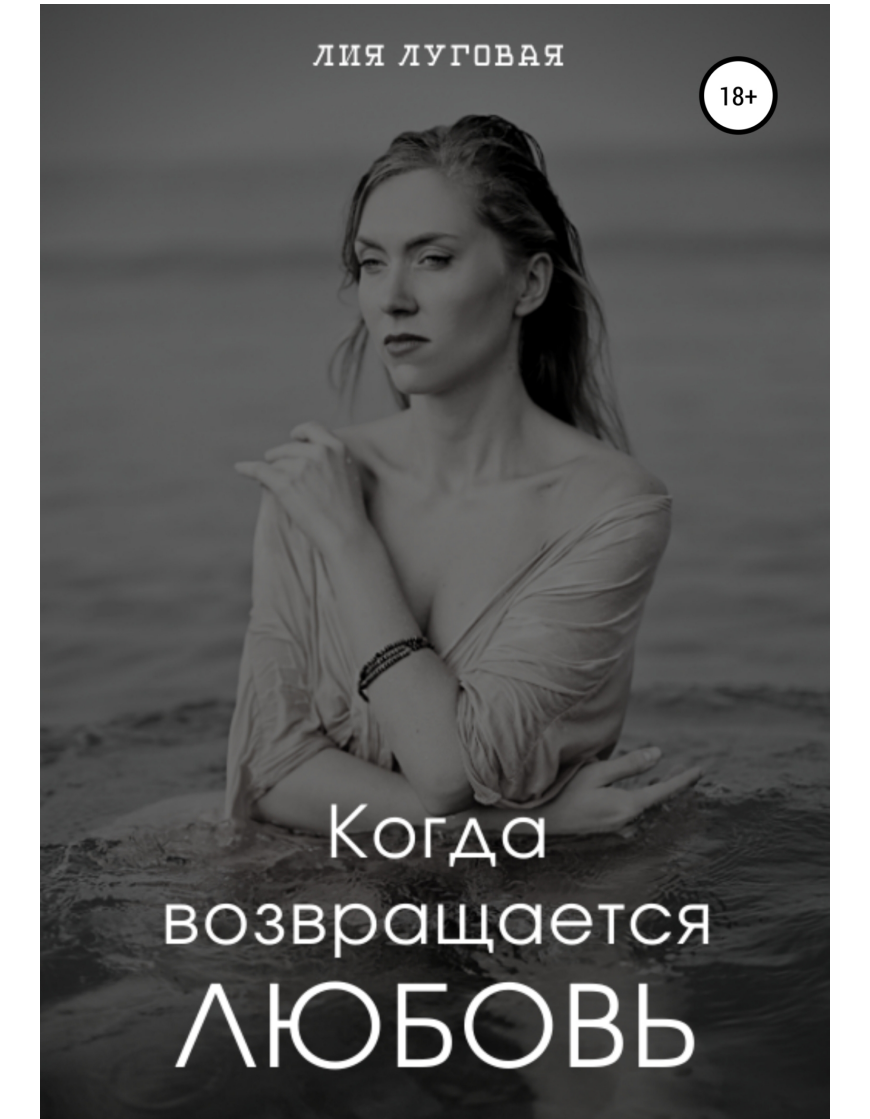

ЛИЯ ЛУГОВАЯ

18+

Когда
возвращается
ЛЮБОВЬ

Лия Луговая

Когда возвращается любовь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48511963

SelfPub; 2022

Аннотация

Что такое сила и что такое любовь? Что разрушает женщину и почему женщина бесплодна? Писательница Элизабет Харткинсон в результате автоаварии попадает в кому. Кто теперь она – хорошая мать и жена? или она непокорная судьбе жрица? или она сбежавшая от мужа-тирана королева? Три жизни сплелись в одну, и теперь душе придётся собрать воедино все свои разбросанные по Свету частички. Она пройдёт уже знакомыми ей путями и будет снова теряться, но везде её будет вести нить – океан, в котором скрыты и все её беды, и её вечная любовь. Что же найдёт душа, опустившись на самые свои глубины?

Содержание

Глава 1. Душа	5
Глава 2. Дельфания	11
Глава 3. Лиз	16
Глава 4. Дельфания	22
Глава 5. Лиз	27
Глава 6. Ингрид	32
Глава 7. Дельфания	37
Глава 8. Ингрид	41
Глава 9. Душа	45
Глава 10. Дельфания	51
Глава 11. Лиз	56
Глава 12. Дельфания	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Лия Луговая

Когда возвращается любовь

В оформлении обложки использована фотография с <https://www.pexels.com/> по лицензии СС0.

Посвящается моей матери.

Глава 1. Душа

«Почему я лежу голая на голой земле?» – приподняв голову, я посмотрела на свои руки. Моя новая кожа ощущала взгляд – тысячи взглядов, – которыми смотрели на меня невидимые глаза, словно каждый листочек, каждая травинка хотела узнать, что же у меня спрятано внутри. В голове звенел шум, летели какие-то отголоски вместе с обрывками так никогда мною не сказанного; как теряющиеся в лесу птицы, в памяти вспыхивали оттенки одного цвета – чёрного, клочки которого когда-то были моим шёлковым платьем.

Я не сошла с ума, я знаю, что я есть, я знаю, кто я. Сжимаю горсть перепревшего давным-давно дерева и встаю, подношу ладонь к лицу – что я там могу увидеть? Вдыхаю, провожу рукой по груди – она влажная, – а под пальцами тёплая земля. В этот миг мои губы, наверное, познали самую счастливую свою улыбку.

Во мне тишина, из людей я здесь одна, и я здесь дома. Сколько лет или моих жизней уже пролетело, чтобы я снова вышла из земли, как плоть, выходящая из рождающего чрева? Я не пытаюсь понять то, что не может быть понято мною в эту реальность, и я не ищу ответы, потому что под ногами миллионы миллионов умерших и разложившихся форм жизней, которые и есть моя суть. Я тихо шагаю по смерти, но громко звучат мои шаги для тех, кто живёт и слышит. У

меня нет зеркала, чтобы посмотреть, красивая я или нет, и нет оценивающих меня других глаз, чтобы через них обмануть себя – хорошая я или нет. Здесь я голая.

Подхожу к громадной каменной чаше, высеченной в скале мощной водой, – она и сейчас льётся мощно. Я всегда удивлялась, как так получается, что в чистом источнике не видно ни одного моего отражения, как будто смотрю на себя и не вижу больше никого, только себя. Закрываю глаза и полностью ухожу под воду. Сколько раз вода меня перерождала, и сколько раз вода меня уносила, а потом приносила, чтобы я оказывалась в месте, в котором мне предначертано быть? Мне нечего с себя смывать – разве что прах прожитой когда-то жизни.

Дельфания – я выбрала это имя, чтобы предстать в земном теле, которое я тоже когда-то выбрала.

Я знаю эту тропинку и знаю эту дорогу. В любой момент я могу уйти туда, куда хочу, но я здесь, в забытом всеми уголке бурлящего леса, который жаждущим сердцам покажется заветным раем. Но здесь не рай, здесь всего лишь дом, такой же дом, как и тысячи миров отсюда. Я на земле, и я земная, и в этой коже я как никогда чувствую своим нутром, кто я такая. Вот моя хижина, построенная сильными руками, – они умели укрощать не только ярость зверя, но и огонь чрезмерно бушевавший жизни. Вот мои наряды и украшения, но я беру самое обычное льняное платье цвета морской пены, смешанной с охровым песком. Что теперь? Я ещё ни разу не

подумала о том, что случилось, и ни разу не вспомнила до боли любимые голоса – их так много было у меня, что распознавать, кто есть кто – непомерная трата.

«Мама, мама!» – моя душа видела мальчика, зовущего меня. Но то было другое имя и другое тело, и другое место, не здесь, а там – в белой палате, где монотонный стук сердца сигнализировал жалобным зелёным светом на маленьком чёрном мониторе.

«Как же мне сказать тебе, что я – и мама, и не мама?»

«И снова наша встреча, безумная Атлантика. Ты такая своенравная. Скажи, кому-нибудь удалось тебя утихомирить? Как вижу – нет, и слава Богу».

«Не плачь, ты ж никогда не плакала и не сожалела ни об одной истории, которые сейчас мелкими ракушками разбросаны у пальцев моих ног. Мы хоть с тобой и не родные, но близкие, как старые верные друзья: мы не раз ссорились и не раз друг друга прощали».

«Ещё шумит в твоём сердце эта песня – и в моём тоже. Поймай, пусть ветер хоть на секунду замолчит, а я вберу в себя все наши самые счастливые с тобой воспоминания», – я простёрла руки к океану.

«Как ты можешь так с нами поступать?» – говорил он, но я его не слышала. – «Лиз, ты больна. К чёрту всех и всё, что

они говорят! Ты нам нужна! Вернись!»

Я сидела у разведённого костра на берегу необычно тихого океана. Или океан был всё такой-же, но не такой же была я? Сколько раз я могла просто так сидеть и смотреть, как волны уносят время, как время возвращается с волнами? Проходила целая жизнь, а мне так и не удавалось побыть одной, не произнося ни единого слова в своих мыслях.

«Дельфания, домой!»

Я побежала на зов мамы, спешно попрощавшись со своим лесом: «До завтра!»

Говорят, детство – самое счастливое время, и если у тебя есть хорошие воспоминания о нём – это точно счастливые воспоминания, и у меня они были. Но кто решает, в какой цвет окрашивать память?

Я любила маму, а мама любила папу, а папа любил нас. Мама выращивала в нашем саду овощи, которые она нам готовила, а папа рассказывал мне всё-всё о жизни ни на секунду неумолкающего океана. В детстве я не видела большой воды, поэтому папины рассказы казались мне чем-то сказочно далёким. Но если я к чему-либо привязывалась сердцем, этого никогда потом не бывало много, но и мало не бывало; это становилось моим вторым я, в которое я смотрела как в кристальную воду зеркала; и потом уже неважно, в каком

платье я предстану пред самой собой, и неважно, какие воспоминания озарят мои безмятежные глаза, и неважно, сколько ещё любви мне предстоит объять своим сердцем.

Я познала разную любовь, но пока не увидела, где кончатся её пределы, и есть ли эти пределы вообще. Поэтому я никогда не плачу, когда смотрю на свои руки, испачканные в свежей перепревшей земле.

Сколько судеб смоталось в этот клубок? Я могла бы смотреть целую вечность, ища глазами ускользающий в закате горизонт, но я сижу здесь и распутываю нити, из которых, возможно, кто-то после меня соткёт скатерть, и она волнами соединит нечаянно разбитую любовь. Я там, где я благодарю жизнь за каждое моё в ней существование, и я хочу это делать ещё много-много раз – столько, насколько хватит сил делать вдохи и выдохи. У меня есть ещё вечность впереди, но вечность всегда быстротечна, и в этом её главный подвох.

Моё невечное тело сейчас висит на тоненьком волоске, как последний трепещущий листок, не сорвавшийся в бурю со своей ветки. Мне давали выбор, и я выбрала жизнь. Я дойду до основания и разложу все нити по цветам. Я должна это сделать и даже не для себя, а для воспоминаний, которые согреют меня, когда я буду вновь сидеть рядом с Атлантикой, кутаясь от промёрзлого ветра в мой любимый его плащ, пропитанный солью всех наших жизней.

Хорошо, что ветер на мгновение утих, умолк и мой лес, и даже земля, где я недавно очнулась, замерла.

«Что, родная, ты хочешь из моих историй?»

«Пусть тогда из них получатся самые красивые ракушки. Может, отыщется раковина, а там – невиданной красоты жемчужина, которую девушка однажды вплетёт в свои локоны».

Глава 2. Дельфания

Рассветало. Ахмар вышел из моей спальни так тихо, как умеют пробираться сквозь стены только самые искусные воры, унося за пазухой надёжно спрятанные драгоценности. Я посмотрела в окно: никакого намёка на первые лучи, но уже всюду шёл новый день, а с ним и роли – не новые, а те, что мы согласились с ним сыграть.

В моей улыбке солнцу не было счастья, скорее грусть о том, как могло бы с нами быть. Я любила перебирать в своих мыслях события, которым никогда в жизни не суждено случиться. Я надеялась и втайне от себя боялась, что сбудутся картинки, в которых уже нет ни ада и ни рая, где есть только мы – такие, какие мы смотрим друг другу в глаза, ощущая своей кожей, как дышит рядом другая кожа. Обнажиться, чтобы любить, или чтобы стать пеплом, развеянным над свежей перепревшей землёй? Нет, это не мечты, это попытки воссоздать зависшую надо мной реальность. Но владычица судеб – отнюдь не богиня судьбы, а мы сами, и, как старые ожерелья, мои желания рассыпались, теряясь в самых потаённых уголках моего иллюзорного мира.

Я была верховной жрицей, и этот сан обязывал соблюдать нейтралитет в выборе мужчины. Но как не выбирать, когда я выбрала ещё до своего рождения? Я смотрела на себя в зеркало и смеялась самой себе, как смеётся сумасшедшая.

Каждый мой шаг мог разбить тысячи жизней, а мог принести спасение – и тем, кто ещё молится; и тем, кто уже приготовился перешагнуть свою последнюю черту; и тем, кто даже ещё не родился; а мог всё изменить – если я дам себе всего лишь крохотный шанс... – но я туда не шла, в который раз изменяя своему счастью.

Меня бесил этот разврат, творящийся за крыльями свободы. Разве я не знала, что молодые жрицы, призванные поднимать из глубоких недр тягучую любовь, будут этой любовью развлекать ненасытных, пытаюсь принести в лишённом девственности чреве хоть какую-то опору в эту трещавшую по швам жизнь? Разве я сама была лучше них? Мне казалось, я найду ответы, спрятанные от взора на узкой, убегающей как змея, тропинке, и вернусь назад с решением, удовлетворяющим всех и каждого. Но змея постоянно извивается, ползёт своим вечно холодным телом во все стороны сразу, и если она напугана – она кусает, и если охотится – кусает, и если любит – кусает. Я не могла подумать, даже предположить, что я сама тоже стану змеей... Но что может сделать женщина в большой игре? Женщина, которая извивается, чтобы ничьи завистливые глаза не увидели, что она любит? Женщина может многое, и как бы я хотела этого не мочь.

Я неслась в своей машине по ночной автостраде, в глаза слепил поток, водопадом низвергавшийся с неба. Кто-то наверху, наверное, за меня плакал, я же молчала, будто мне не

было о чём сказать, но у меня было что, а я предательски молчала.

«Я неудачница. Полная неудачница. Я больше ни на что не способна. Они хотят вскрыть скальпелем мою грудную клетку и достать оттуда сердце. Разрежут его, и если и там они не удовлетворят своё любопытство, они доберутся и до моей души», – неконтролируемая череда мыслей пульсировала в моей голове.

«Остановись!»

«Как продолжать, если я ничего не слышу? Они прокляли меня моей же славой».

«Остановись!»

«Хоть бы бешеный пёс из этой голодной толпы огрызнулся и укусил меня. Не хочу больше боли, не хочу их надежд – они ими закидали меня – всю; раздели меня...»

«Остановись!»

«Не хочу больше чувствовать».

Фары, удар, пелена...

В тот день я стояла на своём законном месте по правую руку от жены правителя и так же, как и другие одетые в чёрные одежды жрицы, провожала стройные ряды воинов, идущих ради любви любовь отнимать, – любовь, которой я своим голым чревом поклялась когда-то служить... Но чему я служу сейчас? Где сейчас моя любовь? Её нет, потому что я её давно похоронила. Творя реальность, я знала, что больше

никогда не увижу глаза бурлящего в пене океана, которыми на меня всегда смотрел Ахмар...

За каждой любовью стоит мужчина и женщина. Но что происходит, когда любви нет? Неужели эти глупцы думают, что любовь можно просто взять, как берут с лотка самое сочное яблоко, бросая монету продавщице? И что делать, когда лучший выход для твоей любви есть её уход?

Я научилась быть удобной по меркам царящего вокруг хаоса, но никогда я не перекрывала свой источник, который связывал меня с той самой сутью, что дарила мне черная влажная земля под ногами. Я ложилась в постель с правителем, потому что он не мог насытиться своей законною супругой. Она ненавидела меня, она всё знала. Я поднимала силу, которую он через меня питался, но это было для него лишь мимолётной услугой в тени растущей в его саду оливы; каждый раз с неё слетал ещё один пожелтевший листок, который тут же седел и медленным ядом капал на землю под моими ногами – дерево не может вечно плодоносить, если из него просто высасывать жизнь.

Когда-то я гордилась своими чёрными одеждами, сейчас же они казались мне моим проклятием: «Неужели нельзя быть просто той, кто я есть на самом деле? Зачем эта гонка за смертью? Зачем играть чужие роли?»

Правитель, одетый в свои блестящие на солнце доспехи, восседал на своём чёрно-гнедом коне и вместе со своими оруженосцами завершал шествие.

Я перевела взгляд на его жену:

«Я ей верю».

«Наивная?»

«Папа, а если мама к нам не вернётся?» – маленькие глаза смотрели на большие глаза, как будто море искало свой смысл в большущем океане и не находило.

Глава 3. Лиз

– И... в этом году премию по литературе в номинации «Дебютный роман» получает... Элизабет Харткинсон!

Стук в висках – сотни копыт промчались по моей голове, – не могу поверить, что слышу своё имя: «Неужели, я? Я выиграла эту премию?!» Переполюнявившая меня радость, по идее, должна была меня подхватить и вынести на крыльях ликования на сцену, но я не могла пошевелиться, я словно онемела; ком в горле; ощущение, что меня распяли на кресте. Я стала в одночасье знаменитой. То, к чему я так долго шла, чего я так хотела, когда писала свой роман: чтобы женщины меня услышали, чтобы они воспрянули духом, когда, казалось бы, всё уже потеряно и из пепла ничего не возродить – я так хотела донести это до них... И вот они смотрят на меня из зала, и они смотрят на меня со своих маленьких кухонь на экранах их плазменных телевизоров, и меня точно они увидят на первых полосах своих газет и журналов, когда будут ехать на работу, по привычке читая в душном вагоне метро. И что сейчас? Во мне пусто. Ничего. Я готова разрыдаться, умоляя: «Заберите это всё от меня!»

«Ты сильная!» – пронзил мои окаменевшие виски мой же голос. Я встала и уверенным шагом поднялась на сцену.

Странно, когда я оказалась наверху за кафедрой чтобы сказать свою благодарственную речь, я вдруг перестала чув-

ствовать те стеснение и волнение, которые меня буквально парализовали до этого. Я сказала то, что от меня все ждали, хотя заранее не готовила никаких речей. Я вообще не верила в этот конкурс, если бы не Андреас. Собственно, это была его затея отправить мою рукопись жюри. Он всегда в меня верил, даже когда у меня ничего не получалось, и я в порыве отчаяния бросала все свои наброски в пасть всепоглощающего шредера.

Мне вручили бархатную коробочку, в которой на атласном чёрном шёлке лежало золотое перо. «Ты это заслужила!» – читалось в ликующем взгляде Андреаса, сидящего в первых зрительских рядах.

Я не любила, когда в моменты близости он называл меня «Моя королева», теперь у него были все причины меня так называть, а все мои «отнекивания» с этой премией теряли свою силу перед ним.

В очередной раз напившись, Гарольд ударил меня.

«Моя королева», – как сломленный цветок, моё тело подхватили закованные в сталь руки.

Гарольд взял меня прямо на глазах у приставленного им же ко мне телохранителя. Я не сопротивлялась, он был моим законным супругом, он был королём. Он ненавидел, когда я плачу, поэтому я терпела, пока он, как стервятник, разрывал мою живую плоть, держа меня за поводок моих собранных в косу волос.

В этом безумном пиршестве моей единственной опорой был холод, исходящий от металлических пластин на одежде Владимира. Владимир был наёмником, которому было нечего терять, и его никто не ждал в его стране: именно таких и брали в личную королевскую охрану, потому что сюда никогда не допускали кого-то из своих. Гарольд был одержим манией предательства, он платил своим наёмникам неограниченными алмазами, поскольку только у него был доступ к этим столь ценившимся драгоценным камням; так, он думал, у него будет гарантия личной безопасности, хотя он сам себе был предателем номер один.

– Элизабет, поздравляю вас с премией, – ко мне подошёл репортёр одного большого издания. – Можно задать вам несколько вопросов?

В нерешительности, я кивнула:

– Давайте.

– Ваша главная героиня – Дельфания, в вашей жизни есть её прототип или она – писательский вымысел?

– Дельфания, – начала я, – чисто плод моего воображения. Я не срисовала её ни с одного человека, с которым была бы лично знакома. И не искала её ни в архивах, ни в учебниках по истории. Она просто пришла ко мне, а я рассказала её историю, – я безупречно выдала свою заготовку.

– Вот так, просто взяла и пришла? Вас посещали видения или вы слышали её голос?

– Нет, я не слышала, – соврала я. – Ко мне приходили её мысли... – Я вдруг замолчала, теперь я уже сожалела, что согласилась на это несогласованное заранее со мной интервью.

– Можно ещё один вопрос?

Я хотела отказать, но вокруг меня уже собрались другие журналисты, и я не хотела, чтобы они обо мне что-то плохое подумали:

– Хорошо, но только один.

– Некоторые ваши читатели считают, что вы будто заглянули в одну из своих прошлых жизней и написали про саму себя. Это могло бы произойти в реальной жизни в своё время?

Сделав усилие, я попыталась иронично улыбнуться:

– Ну, если учесть, что в каждой сказке есть доля правды, то... может быть.

– В книге вы до мельчайших деталей передали, как женщина ненавидит мужчину. Откуда это? – прозвучал вопрос уже с другой стороны.

«Почему я не говорю им “Стоп!”?»

Я стояла перед сверлившими меня своими глазами репортёрами, не зная, что им ответить:

– Это просто ко мне пришло.

– А вы сами когда-либо испытывали подобные чувства? Может, вас предал кто-то, кого вы любили?

Я почувствовала, как зачесались мои слегка вспотевшие ладони.

«Почему мне просто не уйти, ничего никому не объясняя?»

Я взглянула на Андреаса и отрицательно покачала головой:

– Мне повезло, что такого в моей жизни не было. И нет.

– Но что-то же вас подтолкнуло так глубоко затронуть столь сильные и яркие чувства?

Я начала нервно теревать кончик моего шёлкового шарфа:

– Я вам уже говорила, это не моя история, это она мне её рассказала...

– Вы хотите сказать, что...

– Интервью закончено, – резко прервал Андреас.

Сильные руки моего мужа подхватили моё уже дрожащее тело и увели прочь от ярких вспышек фотокамер, беспрестанно мерцавших по обе стороны красной дорожки в фойе. Накинутый на мои плечи шерстяной плащ мужа стал моим убежищем среди той ненависти, которая, как мне казалось, шла ото всех, кто смотрел на меня. «Они пытались проникнуть в меня без моего приглашения. Они хотели знать то, что я и сама не понимала», – во мне кипело возмущение.

– Я так рада, что ты рядом.

Я закрыла глаза и ещё крепче прижалась к Андреасу, сидя на заднем сиденье такси. Его грудь была такой тёплой. Я была уверена, что он никому не позволит меня обидеть. Но вместе с тем, мне было не по себе.

– Я люблю тебя, моя королева.

Губы Андреаса нежно прикоснулись к моим распущенным длинным волосам, которые я никогда не заплетала в косу.

Глава 4. Дельфания

Моя наставница крепко сжала моё запястье, будто хотела сказать, что это последняя мудрость, которую я получу от неё:

– Дельфания, запомни, истинный мужчина никогда не причинит тебе боль. Ты всегда полна, потому что и на сухую землю приходит дождь. А теперь беги! Беги!

Жизнь стремительно покидала её. Она вонзила в своё изувеченное пытками тело маленький ритуальный нож, и настала моя очередь закрывать глаза, которые никогда больше не откроются.

Я бежала так быстро, как только умеют бегать, если тебя преследуют демоны. У меня не было никаких демонов, но в тот момент они во мне точно родились и стали впоследствии моими верными псами, которые гнали меня, не давая ни минуты передышки.

Из шестнадцати учениц осталась только я. Наш храм чистой воды был осквернён: варвары в нём вновь и вновь праздновали свою победу, а кромешная ночь, казалось, никогда не кончится. Я не могла, я не хотела верить наставнице, говорившей, что они просто голодны – голодны до самой крайней степени, соскочив с которой ты переставал быть человеком, и они держались за неё, хватаясь своими гневом и агрессией за последний живительный глоток. Я не понимала, как она

может не ненавидеть их – тех, кто практически распял её, удовлетворяя свои дошедшие до безумия похоти? Я бежала не от них, я бежала от себя, от той внутренней боли и ужаса, которые наизнанку выворачивали моё сознание, на тот момент также балансировавшее на крайней ступеньки человечности во мне.

«Я поклялась никогда никому об этом не говорить, даже самой себе. И вот, ты, Атлантика, всё это слышишь, хотя ты и без меня всё прекрасно знаешь. Если бы не ты, я бы так и погибла тогда в твоей бездне. Но ты решила, что мне хватает и своих кошмаров, поэтому ты не нашла другого выхода, как выбросить меня в объятия самой большой любви, которая есть в этом всё ещё живущем на потоках истинной любви мире».

Блики от моего костра красным золотом мерцали в набегавших на берег волнах; вода стремилась поцеловать мои голые ступни, но я сидела далеко от неё.

В комнату, где я лежала, вошёл молодой воин. Хотя он не был облачён в доспехи, и на его поясе не висело оружие, но по его гордой и подтянутой осанке, по его рукам, которые не скрывали следов, остающихся на коже, только когда заточенное на смерть лезвие металла режет в бою живую плоть, я поняла, кто он. У земледельца или у рыбака нет таких рук, таких рук нет и у правителя, они есть только у тех, кто од-

ним взмахом может навсегда остановить твоё дыхание, потому что это их предназначение.

На мне была чистая одежда, ссадины и раны обработаны и перевязаны. Моя сила, похожая сейчас на непогасший в бурю огонёк свечи, всё ещё теплилась внутри меня, и я несколько не боялась этого незнакомца – боялись мои глаза – маленькой женщины, которой оставалось до её первого совершеннолетия всего две луны. Я сделал попытку встать с постели, но тут же моя голова упала обратно на подушки.

– Ещё рано, – мягко сказал незнакомец.

Он сел рядом со мной, прикоснулся своими пальцами к моему лбу. От него веяло очень знакомым мне теплом, но пока я не могла понять, что это.

– Меня зовут Ахмар. Кто ты?

Я знала его язык: на нём говорили те, кто когда-то вышел из Великой Атланты, теперь там ничего нет – только солёные бескрайние воды, которые, как мне рассказывал отец, никому ещё не открыли тайны своих берегов и глубин. Я была не из них, но хорошо понимала их речь.

На все вопросы незнакомца я молчала, и он, казалось, догадывался, что я просто не знаю, что ему сказать, точнее, какую историю придумать, чтобы потом её выдать за свою правду. Он ждал, ждала и я.

Его дом был похож на большую хижину, искусно построенную из ценных пород деревьев, росших в прилегавшем лесу. Несколько спален, изящная мебель, открытый внутрен-

ний двор, и тут и там подставки с высокими свечами, глиняные кадки с цветами. Здесь чувствовалась рука любящей женщины, но он жил один – по крайней мере я нигде не заметила женских вещей.

Ахмар приносил мне еду: сочные фрукты и жареную на гриле рыбу – Атлантика была совсем рядом. Он перевязывал мои быстро заживающие раны и помогал вставать с постели; его мускулистые руки с лёгкостью переносили моё тело в сад, где я слушала, как поют райские птицы; он был моей опорой, когда я выходила на небольшие прогулки. Ахмар буквально собрал меня заново, ведь он нашёл меня практически разбитую о скалы, когда моя рыбацкая лодка, на которой я бежала от своих демонов, попала в шторм.

Всё наше общение сводилось к тому, что он спрашивал, как я, а я в ответ смотрела на него, не произнося ни слова. Я мысленно благодарила его за всё, что он для меня делал. Он это чувствовал, а меня не покидало опасение, что он всё про меня знает. Я была уверена, что его глаза умеют заглядывать в прошлое – в то, что я больше всего сейчас хотела стереть из каждой клетки своего тела.

– Я им скажу, что ты моя немая сестра, – однажды Ахмар сообщил, что ему пора возвращаться.

Его слова предполагали, что я должна буду поехать вместе с ним. Сначала я немного расстроилась, что покину этот тихий укромный уголок, но потом утешила себя мыслью, что долго всё равно так продолжаться не могло. Пришло моё вре-

мя двигаться дальше.

Я держала на руках нашего с Андреасом сына, который родился три дня назад. Роды были нормальными – ни тяжёлыми и ни лёгкими, – но я всё ещё находилась в больнице. Я настояла ещё раз всё перепроверить, что со мной и с ребёнком всё хорошо. Хотя я знала, что с нами всё даже замечательно, тем не менее я не имела огромного желания возвращаться домой на следующий день, как предлагал мне доктор.

Андреас был рядом. Он, конечно, за меня переживал, но выглядел очень счастливым. Я же, напротив, плакала, потому что смотрела на это крошечное создание и не знала, люблю ли я его. Во мне было что-то, что изо всех сил противилось потоку материнской любви, оно душило меня. Осознание, что моя жизнь больше никогда не будет прежней, не пугало меня, но разрушало все мои до этого выстроенные надежды.

– Лиз, он же наш сын. Ты любишь его, не сомневайся. Он такой красивый, наш маленький принц. Обещаю, всё будет хорошо.

– Ты всегда так обещаешь, – мой голос дрожал, предательски обнажая для меня самой мои чувства.

– Разве когда-нибудь нам было плохо?

Мне хотелось ответить «Было», но такого не было.

Глава 5. Лиз

Я пишу без остановки. Сквозь меня проходит поток, в котором временами я себя вообще от него не отделяю. Я помню, как однажды утром я проснулась с этим именем: «Дельфания, Дельфания, Дельфания...»

«Что всё это значит?» – я сразу смутилась.

Несколько дней подряд имя то и дело всплывало, перебивая мой обычный ход мыслей. Оно приходило ко мне, когда я ничего не делала, просто сидела рядом с Андреасом на переднем сиденье нашего автомобиля и бесцельно смотрела на мелькавшие мимо меня витрины, вывески, дома, людей... и вдруг откуда-то в голове возникал женский образ, пытающийся мне что-то сказать. Её губы шевелились, но я ничего не слышала, отмахивалась от этой картинки как от больного наваждения. Я всегда списывала эти видения на то, что я, скорее всего, слишком устала в последнее время. Но имя было настойчивым, и тогда я поняла, что оно не выдумка, оно живое, со своими тайнами – такими же, как у всех и всего вокруг; и в тот момент, когда я признала право имени на вполне реальное существование, на меня гремящим водопадом обрушились разрозненные голоса, образы, лица, воспоминания, чувства, мимолётные сцены... Было ощущение, что я невольно подглядываю за чьей-то жизнью, но я не подглядывала, мне показывали, вернее, показывала она –

Дельфания.

Я никогда раньше не писала. Сколько себя помню, я всегда была мечтательницей, любила придумывать истории, но всё это оставалось на уровне моих детских фантазий. И когда я стала уже взрослой женщиной, эта привычка никуда от меня не ушла, точнее, я сама не хотела её отпускать. Каждый раз, засыпая, я должна была себе что-нибудь навообразить или намечтать: свою идеальную жизнь, идеальный дом, идеальные отношения... Но я никогда не называла себя в своих мечтах своим именем, даже не знаю почему: я с огромным удовольствием представляла другую женщину такого же возраста как я, но живущую в другом месте. Наверное, мне было интересно прожить чужую жизнь, так как я подсознательно считала, что со мной такого точно не произойдёт. Поэтому часто героями моих предсонных грёз становились совсем незнакомые мне персонажи, но тема была всегда одна и та же – любовь.

Эта привычка погружаться в вымысел перед сном стала моим настоящим спасением, когда я первый раз вышла замуж. Не сказать, что мы друг друга не любили... Если бы не было любви, я бы с ним не была, хотя он, предполагаю, был со мной, потому что ему так было удобно – ведь я любила...

Некоторым людям нужна чья-то любовь чтобы чувствовать хоть какой-то ориентир в своей жизни, и при виде любви они просто цепляются за неё и вольготно потом плывут в её течении, совершенно не зная, куда их вообще несёт. Для

меня любовь всегда была на первом месте, это как прошитая во мне истина. В какие-то моменты мне даже стало казаться, что стремление найти свою любовь переросло в паранойю. Мне хотелось такой огромной любви, в которой я могла бы умереть без капли сожаления за прожитую жизнь. Но такой любви я ни в ком не находила, и это ещё больше бросало меня в мир грёз, куда я сломя голову бежала с надеждой, что проснусь, и завтра будет всё по-другому. Тем не менее желание любви меня питало, давало силы, и однажды я чётко осознала, что моей любви уже скопилось столько, что ей нужен выход, и нужен тот, кто будет её принимать, но и в ответ дарить мне то, что дарю ему я. Поэтому я, долго не раздумывая, приняла решение идти туда, где мне будет хорошо, но для этого я должна была сначала уйти оттуда, где мне было плохо. После шести лет брака я развелась со своим первым мужем. Теперь я точно знала, что любовь должна жить не в моих фантазиях, она должна жить в моей реальности.

Мы принимаем за любовь то, что мы хотим. Я никогда не подменяла её ни алкоголем, ни наркотиками, ни агрессией или тщеславием. Я откуда-то знала, что существует любовь в чистом виде, и чувствовала своим живым сердцем, что мне обязательно нужно её встретить. После того, как начались мои отношения с Андреасом, мои фантазии, без которых я уже не могла заснуть, закончились. Я, наверное, исцелилась от иллюзий и даже этого не заметила: теперь у меня не было нужды придумывать несуществующий мир, куда я сбегала

от всех своих проблем, разочарований и обид; теперь я была спокойна и счастлива с тем, кого я очень сильно любила, и он любил меня.

– Я хочу его убить! – вся в слезах, я вбежала на мамину кухню и бросилась в объятия той, кто знала меня лучше, чем я.

– Как он мог!? Просто взял и искромсал их ножом! Всех! На мелкие кусочки?! – Я рассказывала, что случилось, а сама отказывалась в это верить.

– Дельфания, дочка, твой брат не хотел обидеть твоих кукол.

– Но он же...

– Ему самому от этого больно, – она не дала мне закончить мою фразу. – Он любит тебя.

– Нет, не любит, – я топнула ногой.

– Но ты-то его любишь, правда?

Мать смотрела на меня тем взглядом, от которого я была не в состоянии отвести свои глаза, потому что через неё я видела себя. В этом отражении я держала своими детскими ручками большой медный таз до краёв наполненный водой; не колеблясь, я подняла его над своей головой и вылила на себя всё, что там было; я вскрикнула, потому что оно обожгло меня, и я сразу, как от наваждения, очнулась: «Ведь я же люблю...!»

– Правда, – уже спокойно ответила я.

– Ты – непрекращающийся источник любви, моя дорогая.
Любовь не может не любить.

В нашей семье мама всегда творила мир, даже когда тучи над нашим домом сгустились.

Глава 6. Ингрид

Я была обещана этому безжалостному монстру, который провозгласил себя королём. Мой отец больше всего хотел влияния. Он очень долго вынашивал свой план, тщательно обдумывал его, засиживаясь подолгу вечерами в своём любимом дубовом кресле у горящего очага. Он всегда звал меня, чтобы я просто, как он говорил, посидела рядом с ним в этом мрачном каменном зале. Мне это не нравилось, но я слушалась. Отец погружался в свои мысли, то и дело поглядывал на меня, иногда его губы искривлялись в едва заметной улыбке. Мне становилось жутко, отчего мои лёгкие застывали, не в силах сделать очередной вдох. Кроме коварства я ничего не видела в его глазах, почему-то становившихся в такие моменты болезненно-жёлтыми.

«Мне холодно. Можно я пойду наверх?»

«Иди, иди. Не хватало, чтобы ты ещё простудилась сейчас».

Как долго отец ещё сидел там, я не знаю. Я залазила в свою кровать и с головой укрывалась шерстяными одеялами. Руки были как ледышки, сердце громко стучало. «Пусть мой муж будет самым добрым для меня мужем», – повторяла я свою молитву и не замечала, как уходила в сон. По пробуждении я не могла ничего понять: не было ни предчувствий, ни картинок, даже кошмаров не было: из сна я не получала ничего,

что дало бы мне хоть какой-то ключик, который помог бы мне не потеряться в изошрённой игре моего отца. Я не сомневалась, что на меня отец поставил свою самую большую ставку.

Могла бы я сказать «Нет» его решению? Нет, не могла. Я так боялась этой силы, которая творила все виденные мною жестокости мужскими руками, что я предпочитала не противиться ей, потому что тех, кто был против, всегда или убивали, или их ждала совсем нелёгкая жизнь. Я не хотела умирать, но я также не хотела ни на что влиять в плетущихся на моих глазах одна за другой интригах. Тот, кто молчит, видит всё – это было как раз про меня. «Пусть моё время не придёт», – внушала я себе спасительную ложь, но я сама в неё не верила. Иногда я мечтала, чтобы я родилась некрасивой или калеккой, или была дочерью конюха или мясника – да, незавидная судьба, но я им завидовала.

Мой отец, добившийся своего положения при дворе подкупам и изменой, всегда говорил: «Побеждает не сильный, но хитрый». Потом он с нескрываемым разочарованием добавлял: «Но ты не сильная и не хитрая», – я догадывалась, что тем самым он намекал о своих сожалениях, что у него родилась дочь, а не сын. Но мой отец был из тех, кто будет делать хорошую мину и при плохой игре, и он уж точно знал, что игра может обернуться даже лучше, чем он на это рассчитывает. Отец подходил ко мне и своими костлявыми пальцами пытался погладить меня нежно по голове, но у него

это не получалось – мне было неприятно от проявлений его отцовской ласки. «Но у тебя есть твой отец. Я знаю, что будет для тебя лучше», – эти слова всегда поднимали ему настроение.

У отца был особый талант вводить людей в заблуждение. Он получал своё богатство, играя на людских несчастьях, но он никогда не ввязывался в открытую резню. При мне сменилось трое, и все трое надевали на себя корону. Отец был словно в тени, прятал меня, как прячут свой единственный драгоценный камень. Но почему он захотел отдать своё сокровище самому мерзкому и самому недостойному из покупателей? Наверное, он усмотрел в нём всю ту же силу, хотя, его глаза не могли не видеть, что эта сила грубая и жестокая, даже чересчур... Возможно, именно это видение давало ему гарантии некой стабильности и собственной безопасности, а предстоящий альянс был, в представлении отца, идеалом, которому суждено надолго осесть в кресле короля.

Если бы была жива моя мать, могло бы быть по-другому? Могла ли она что-нибудь возразить отцу? Я никогда не получу ответов, потому что моя мать умерла сразу после родов. Никто мне не рассказывал о ней. Потом у отца было много женщин, но, как бы ему не хотелось, они не рожали от него детей. Поэтому он решил обмануть судьбу, решив, что наследника ему рожу я – наследника, который станет победой его плохо скрываемой алчности. «Ингрид, ты будешь хорошей женой своему мужу», – ходил он вокруг меня своими

маленькими шагами. – «Ты будешь слушать его. Тебе главное – родить от него, и на этом твоя миссия выполнена», – отец целовал меня своими мокрыми губами в лоб, от чего я каждый раз морщилась. – «Ты всегда была хорошей девочкой и никогда не расстраивала отца. Повинуйся Гарольду во всём», – его глаза впивались в мою душу. – «В этом будет наша сила, которая уберёжет нас от всех, кто захочет эту силу отнять. Ты поняла меня?» – «Да, отец», – другого ответа от меня он никогда не слышал. Но отец сильно ошибался, думая, что любовь может прельститься тем, что ты за неё даёшь.

Я потеряла счёт песку, который струился через мои пальцы. Я потеряла счёт звёздам, которые видели в ночи мои глаза. Я потеряла счёт волнам, которые убаюкивали меня, но я так и не заснула.

Мои ноги тихо ступают по мягкой траве. Здесь я не жду нового солнца, здесь я жду себя и своих откровений. Роса блестит повсюду, словно кто-то рассыпал горсть мельчайших бриллиантов. Вот они – капельки королевской крови, горящие то тут, то там по всей земной жизни, которую я в силах узреть. Как часто я сама была этой кровью... Но мне так пока и не удалось собрать в сосуд все мои капли: много пролито, много высохло, но много и впитано плотью, которая не умирает под моими ногами, и надеюсь, ещё долго не умрёт.

Что значит быть царицей? Это быть на самом деле ниже

всех, чтобы поднять всех выше; это иметь сердце, которое принадлежит тебе лишь на одну маленькую долю; это любить и отдавать любви больше, чем ты сама можешь принять; и это принадлежать всем так, как ты можешь принадлежать только себе. Это большая миссия, но я родилась тогда, когда эту миссию одно женское тело было уже не в состоянии нести.

– Я беру тебя в законные мужья. Я принимаю твой чин света и даю тебе чин любви. Да, здравствует король!

Я склонила перед Гарольдом колени так, как учил меня отец. Но Гарольд не поднял меня стоять вровень с ним.

– Теперь ты принадлежишь мне.

Новый король коснулся пальцами моего подбородка. В его глазах я увидела довольную улыбку. Он был рад, потому что отныне ему принадлежало состояние моего отца. Сила и деньги встретились, но я ещё не знала, какую судьбу несёт мне эта встреча.

Глава 7. Дельфания

«Она сухая, поэтому она не может зачать», – спокойно я ответила правителю Атлантии.

Я знала, что сейчас разразится буря, но я должна была защищать любовь, жрицей которой я являлась. Я больше не могла ничего с этим поделать: Ялалла, его законная супруга, отказывалась провести новую жизнь через своё тело, хотя все её желания сводились к одному – ребёнку от Зураба. Три года я была с ней рядом, но все мои попытки раскрыть её источник, из которого бы её муж черпал свою силу, наткнулись на препятствие – её ненависть, причина которой была его нелюбовь.

Правитель не любил её настолько, чтобы быть в этой любви сполна тем светом, которым он являлся по своему предназначению. Он был её мужем из чувства долга и был ей верен, точнее, он был верен принципам, которые он по своей воле принял в тот момент, когда на него возложили этот почётный сан. Он знал, что так одерживались победы в больших сражениях, и так процветали великие империи. Его империя процветала, но все ждали от него, что он продолжит преемственную линию, и в его землях никогда не будет нужды. Зураб всё медлил, а голодные псы уже стали огрызаться в сторону столь лакомого куска.

Пока была сильна его мать, ему удавалось держать своих

врагов в узде. Но вдовствующая царица старела, а с ней пустел и её источник, начавший мелеть со смертью её мужа. Нужна была новая живая кровь, которую могла внести в его реку только молодая жена, так как пока дева молода и невинна, она всегда полна. Стало понятно, что силы, которую правителю отдавали юные жрицы, до этого не знавшие близости с мужчиной, недостаточно. До Зураба жрицы никогда не питали напрямую правителей, поскольку они всегда были в кругу царицы: вместе с ней славили землю, поднимали из её недр невидимое золото, именуемое любовью, и потом с этим золотом правитель и достойные мужи ковали свои мечи.

Но старая царица умерла, и с ней ушла и прежняя верховная жрица Аллантии. Древний обычай никто не нарушал: старое уходит, оставляя свои мудрость и благословение тем, кто придёт его продолжать. Поэтому место, столь долго пустовавшее рядом с креслом правителя, сразу увидело свою новую хозяйку – ей стала дочь из почётного рода, выбранная поспешно Зурабом из таких же почётных родов. Наконец, надежда многих облеклась в свою плоть.

Меня избрали на главное место в храме жриц Земли, и отныне я должна была носить чёрное шёлковое платье в пол: это был цвет земли и цвет ночи, в которой единственным светилом была Луна; это был цвет женщины, потому что никто никогда не знал, даже она сама, насколько может быть громадна её сила... – да, от женщины прежде всего ждали силу, которую не видит обычный глаз, но которая и есть

жизнь...

То, что я сейчас сообщала правителю о его жене, означало лишь одно: я должна буду провести через себя силу для него – для всей империи. Ялалла, теперь легко впадавшая в гнев по самому мельчайшему поводу, тоже это осознавала. Всё вернулось к тому, с чего и началось.

Мы с Андреасом праздновали третью годовщину нашей совместной жизни. Я сказала ему, что хочу написать роман.

– И о чём он будет? – воодушевился Андреас.

– О жрице.

– Интригуешь. У неё будет хоть счастливый конец?

– Пока ещё не знаю. Но что-то мне подсказывает, что нет, – с сомнением промолвила я.

– Ты придумала ей имя?

– Моей жрице?

– Да.

– Оно само, честно говоря, придумалось, – я немного помедлила. – Её зовут Дельфания.

– Где-то я его уже слышал... Греческое?

– Не знаю, – я отреагировала как-то резко. – Даже не хочу рыться во всех этих пыльных фолиантах по истории. Буду писать то, что пишется.

– Ну, так за Дельфанию! – Андреас поднял свой бокал.

Мы были счастливы, несмотря на то, что вот уже три года у меня не получалось забеременеть. Мы прошли все обсле-

дования, и официальная наука не видела препятствующих этому причин. Мы знали, что не бесплодны, но почему-то не могли родить. Хотя мы старались не обсуждать эту тему, я чувствовала, что для Андреаса важно иметь детей. Я же про себя недоумевала, потому что для меня не было ничего более важным чем наше с ним счастье: он и я. Конечно, по логике вещей я также должна была хотеть детей, как и Андреас, но я не могла искренне признаться, что этого хочу. Поэтому я внушила себе идею, что тоже хочу, потому что этого хотел он.

В какой-то момент мы осознали, что устали от попыток зачать ребёнка и договорились, что будем жить просто счастливо, просто вместе, и если у нас будет ребёнок, значит, у нас будет ребёнок. Я не могла не ликовать от этого решения: мы с Андреасом приняли за основу ту жизнь, которая у нас была раньше. Но теперь – и я не находила этому никакого объяснения – я стала бояться факта, что у нас нет детей. Единственное, что мне приходило на ум – это спрятать свой страх в надёжное место, где бы его не нашли видящие меня насквозь глаза Андреаса. Удалось ли мне это? Наверное, да. Наша супружеская жизнь более ничем не омрачалась, но каждый раз, когда мы занимались с Андреасом любовью, я думала об этом, и ничто не могло искоренить из меня этот страх.

Глава 8. Ингрид

Мы бежали по лесу практически без остановки уже два дня. Мы не спали, мы не ели, мы не смотрели друг другу в глаза. Уверенной рукой Владимир вёл меня за собой. В этот раз я подчинялась не мужской силе, а уверенности: что-то внутри меня подсказывало, что так надо. Чем дальше мы продвигались на восток, тем Владимир более чувствовал себя в своей среде: лес был его вторым домом, он давал ему силы бежать, и его сил хватало и на меня. К спине Владимира был привязан мой трёхлетний сын Аррон, который ни разу не заплакал, – мой взгляд его очень хорошо научил понимать то, что происходит, и то, как ему надо себя вести.

Весть о нашем побеге быстро разнеслась по стране. Королю нужна была не королева, королю был нужен его законный наследник. Несколько раз Владимир замечал посланных Гарольдом ищеек: группа вооруженных солдат не могла просто так блуждать по равнине, у них была цель, за которую обещали достойную этой цели награду.

Одна из наших лошадей вывихнула ногу, когда мы пытались проскочить через овраг. Лошади тоже устали, поэтому Владимир принял решение двигаться в сторону леса, что значительно замедлит наш побег, но мы не могли по-другому. Ночью мы наконец достигли рубежа, где кончается бескрайняя равнина и начинается царство многовековых дубов

– это были ещё владения Гарольда. Здесь Владимир зарезал нашу раненую кобылу: мы не могли оставлять следов, которые бы привели к нам ищеек. Мы с сыном пересели на второго жеребца, а Владимир пошёл впереди.

Наши запасы еды подходили к концу, и мы уже были изрядно измотаны. В лесу я чувствовала себя спокойнее: мы не были как на ладони у всего мира, и на нас не светило палящее солнце. Владимир знал, где спрятаны лесные ручейки, поэтому проблемы с водой больше не было.

Однажды на рассвете началась гроза. Я проснулась: ни Владимира, ни лошади рядом не было. Я крепко прижала Аррона к себе и начала молиться. Поскольку мы спали прямо на земле, нам негде было укрыться от дождя, ярость которого с каждой секундой всё усиливалась. Мой мозг отказывался думать о том, почему Владимир не с нами и что теперь мне надо делать. Я оцепенела. Вдруг раздался оглушительный треск, и дерево, стоявшее чуть поодаль от нас, развалилось на две части прямо на моих глазах – в него ударила молния. Вмиг начался пожар. По моим щекам покатались безудержные слёзы, Аррон тоже заплакал. Казалось, Боги прокляли меня за то, что я убежала от своего законного супруга.

«Ослушалась! Ослушалась! Ослушалась!» – рассерженный голос отца брызжанием застучал в моей голове. – «Негодница! Ты предала нас: и меня, и себя!»

«Себя предала, предала, себя...» – чувство вины выедало из меня последний рассудок.

«Беглой суке сучья смерть!» – хохот Гарольда вбивал корабельные гвозди в мои мокрые виски.

У меня сильно закружилась голова, я была на грани потери сознания. Ещё крепче я прижала к своей груди Аррона, пытаюсь максимально укрыть его своим телом. В шуме бушевавшей стихии я не услышала, как кто-то подошёл ко мне сзади и обнял. Я вздрогнула. Это был Владимир:

– Моя королева, лошадь убежала, учуяв приближающуюся грозу. Я хотел её найти. Нам нельзя здесь больше оставаться, – он был краток и чётко.

– Давай хотя бы подождём, когда закончится дождь, – всё ещё оцепеневшая, я едва смогла выговорить свою просьбу.

– Нет, – возразил он со спокойной уверенностью, – слишком опасно. Скоро граница. Они будут прочёсывать каждый уголок. Я возьму маленького принца к себе. – Владимир достал из своей сумки поводья от первой лошади и с помощью них закрепил Аррона у себя на спине.

Мы шли быстро, несмотря на хлеставшую по щекам грозу. Я не знаю, как Владимир определял, куда идти. Земли его народа начинались там, где громадные секвойи сменяют столетние дубы. Я никогда не видела секвой и не могла определить, далеко ли ещё до них. Но судя по тому, что Владимир ускорил шаг, я надеялась, что мы близко.

Дождь уже стихал. Мы сели на совсем короткий привал, я стала кормить остатками хлеба Аррона, как вдруг неизвестно откуда к нам подошла большая чёрная собака.

– Не делай резких движений, – Владимир тихо встал.

Всё случилось очень быстро: два зверя бросились друг на друга – один из них завыл, а второй вынул из этих объятий свой окровавленный кинжал.

– Это боевой пёс. Они рядом. Если хочешь жить, беги! Беги так, как будто это твой последний день на этой земле.

– Меня зовут Дельфания, – я ответила Ахмару на языке, которым он со мной говорил.

– Я знаю, кто ты и от чего ты убежала, – Ахмар протянул мне мой золотой медальон – Луна в Солнце. – Со мной ты в безопасности.

Глава 9. Душа

Сожалела ли я когда-нибудь о том, что делала? Нет, не сожалела. Но сожалела о том, к чему потом всё это приводило. То ли любовь так опьяняет, то ли её жажда толкает людей на безрассудство. Я всегда старалась поступать так, как чувствовала воля внутри меня. Тогда я не понимала, что значит быть этой волей сломленной, что значить подчиняться своей силе и что значит эту силу в себе укрощать. Но я познала всё.

Камень, брошенный в море, никогда не возвращается на место, откуда его подняли. Удивительно, но и у камня есть путь, который волею неведомых ему сил продолжается. Мой путь сделал очередной поворот и остановился, хотя вокруг меня продолжала свой привычный ход буйная разноцветная жизнь. Остановка – это всего лишь иллюзия. Иллюзии кончаются, когда гаснет свет внутри тебя. Мой свет горит, но если я закрываю глаза, я не вижу темноту, я вижу свою суть.

Я выбрала это место: кишачий лес, одинокая хижина, неумолкающая Атлантика. Я сделала эту точку своей силой, моментом созерцания. Мне здесь просто хорошо, меня здесь никто не найдёт, никто не потревожит. Когда-то это место было моим изгнанием, потом спасением, стало раем, потом адом, чтобы снова вернуться на круги своя, пока этот круг сам собой не разомкнётся. Как оказалось, всё во благо для меня. Потому что когда ты постигаешь смысл, смерть более

не страшна, потому что смерть – это уже заложенная в тебя частичка. Но я находилась сейчас не в ней, я была в своей вечности. Это и не смерть, как я когда-то её видела, это и не после смерти, куда я улетаю, лишь только умолкнет ритм моего сердца. Моё сердце сейчас не молчало, оно билось, а в сознании я слышала ровный шум бегущей по моим венам крови.

Я не гадала, померкнет ли когда-нибудь моя звезда, меня это вообще сейчас не беспокоило. Три жизни вновь сплелись в одну. Будто я опять не выучила все свои уроки! Что будет, если я уйду? Что будет, если я останусь? Придётся ли мне снова вставать на этот путь? И кто всё это решает? И кто сплетает воедино нити? И кто потом их расплетает так, что концы теряются в текущем неизвестно куда времени? Один шанс на миллион – это много или это удача? Если это всё-таки удача, то держу ли я её за хвост или я хватаюсь лишь за маленькое её пёрышко?

Когда я не могла найти в себе ответы, я просто слушала пространство вокруг меня. Именно это я сейчас и делала. Атлантика мне улыбалась, но я никак не могла расшифровать смысл её загадочной улыбки. Я посмотрела наверх и впустила в себя все звёзды, которые смогли вместиться на крошечную по сравнению с ними сетчатку моих глаз.

– Ахмар, забери меня отсюда! – Я плакала.

– Лиз, успокойся, тебе пока лучше оставаться здесь под

присмотром врача, – Андреас держал меня за плечи, пытаюсь укротить мои порывы.

– Ахмар, они пытаются меня, – я с силой сбросила с себя его руки. – Они мне что-то дают, я падаю в белую бездну, там холодно, и там нет тебя, никого... Даже себя я там не вижу, но я падаю туда, – я бросилась к окну, чтобы удостовериться, что там ничего нет. – Видишь этот туман? Это не туман, это... это...

– Лиз, – ко мне подошёл Андреас, там нет никакого тумана, это просто солнечный свет.

– Нет! – Я резко убрала его руку с моего плеча. – Ты же обещал, – я обернулась к нему, – что будет всё хорошо! Ахмар, ты обещал мне!

– Элизабет, – Андреас произнёс очень сдержанно, – я – Андреас, твой муж. У нас есть сын, Рич, – он прикусил свою нижнюю губу. – Мы тебя очень любим, – добавил он, готовый сам разрыдаться.

– Нет, нет, нет, Ахмар, ты же Ахмар, мой Ахмар, – я кинулась к двери, повернула вправо ручку, но дверь оказалась запертой. Тогда я дёрнула ручку ещё раз и ещё, и ещё...

– Остановись!

Андреас подскочил ко мне и убрал мои руки от двери. Я взглянула на него. Он смотрит на меня и не говорит ни слова.

«Мы наконец-то вместе, как он и хотел. Но почему он не берёт меня с собой? Почему он оставляет меня здесь? Почему он хочет, чтобы я снова туда падала?» – моё балансиру-

вавшее на тонкой грани сознание не давало никакого ответа, который бы я была в состоянии понять. – «Почему он молчит? Он умер!?! Он умер! О нет!» Боль от нахлынувших с новой силой эмоций просто взорвала меня изнутри:

– Ахмар, не умирай! – я повисла на Андреаса, крепко обвив его шею своими руками. – Не умирай, Ахмар, нет...

– Лиз, Ахмар – это твоя выдумка, – Андреас пытался отстранить меня от себя. – Его нет! – он вскричал, но тут же осёкся.

«Этого не может быть... Зачем он мне врёт?»

Андреас быстро пересёк палату и нажал на красную кнопку, вмонтированную в изголовье кровати. Практически сразу вошла медсестра.

– Ей плохо, – сказал Андреас.

Медсестра всё и так поняла:

– Помогите мне.

«Нет, нет, нет...» – мой ум бился в агонии, мои конечности словно парализовало.

Андреас заблокировал мои руки, а медсестра, уже дышавшая на меня белой бездной, вколола мне в плечо очередную инъекцию. Всё расплылось перед глазами. Я вылетела из своего трясущегося тела...

Андреас ехал домой по автостраде. Дорога шла через лес. Говорят, когда-то здесь росли великие секвойи. Солнце скрылось за тучами, но с самого утра ни капли не упало с однотонной серой массы, в которую превратилось небо. Он

остановился, припарковав машину у обочины.

«Иди в лес», – я шептала ему из своего пространства, – «иди».

Он открывает дверцу, ставит ногу на землю. В нерешительности.

«Иди», – подталкиваю я.

Выходит из машины и направляется в лес. Всё замерло вокруг. Кроме меня никто не слышит его шаги. Хруст тонких веток, шелест мертвых листьев. Он замедляет шаг, садится на корточки перед высоким дубом. Обхватывает голову руками, пальцы с силой давят на виски.

«Давай», – умоляю я.

Он резко встаёт, морщась как от сильной боли. Смотрит на окружающие его деревья. Делает глубокий вдох, ещё один, будто не может надышаться.

«Давай. Поплачь. Больше нельзя всё это держать в себе», – я мягко направляю поток своих мыслей ему в затылок в надежде, что он всё-таки меня услышит. «Хорошо», – я улыбнулась.

Андреас вытирает со щеки слезу, ещё одну. Выдох. Разворачивается и большими быстрыми шагами, чуть ли не на бегу, возвращается обратно в машину, берёт телефон:

– Мам, дай мне Рича.

Пауза.

– Папа, ты с мамой? – весёлый детский голос.

– Дорогой, маме пока ещё не очень хорошо. Доктор её ле-

чит. Я скоро буду дома, малыш. Я люблю тебя.

– И я тебя люблю.

Отбивает звонок.

Мне хотелось прикоснуться пальцами к его щеке, но он меня не видел и даже не чувствовал, что я совсем рядом, сижу на своём переднем месте и смотрю на его. Он знал, что я люблю его. Я верила в него и очень хотела, чтобы сейчас он верил в меня.

Провожу рукой по безупречной глади выдолбленного в камне озера. В этот миг внешнее меня ничем не отвлекает, не слышу даже гремящего шума падающего со скалы потока. Я настолько погружена в себя, что имеет важность даже самая маленькая капля, которая ещё не успела скатиться с моей ладони вниз. Я искала в себе разгадку. Если бы я не могла её понять, я бы не хваталась сейчас так жадно за свой шанс, выпадающий один раз на миллион жизней. Я бросила свой клубок на землю, и он покатился, увлекая меня на хоженую мною тропинку.

Глава 10. Дельфания

Следуя долгу, предаёшь ли ты свою любовь, если долг и любовь оказались несовместимыми?

Зураб был правителем от Бога, как всем казалось. Статный, амбициозный, он умел зажигать людей своими речами. Не терпел тщеславия и был верен доблести. Личную честь ставил превыше всего, такого же требовал и от своих подданных. Он стоял у руля сильного государства – империи, где не было подчинения чужой воле, где люди жили по принципам открытого сердца: каждый чувствовал свой долг и знал своё предназначение; правитель был не выше пекаря, а пекарь был не ниже правителя, каждый был на своём месте.

Это была богатая страна, изобильная, но в ней не было того, что другие позже назовут деньгами. Так было испокон веков: люди хранили традиции и знали свой личный потенциал; никто не брал не своего, и никто не покушался на лишнее; люди обменивались энергией, которая была дарована им создателем для их земной жизни. Они именовали себя алланитами и строили свои храмы источнику Света в них самих, который они часто изображали как алое Солнце с шестью крылами.

Мой отец был из алланитов. Он встретил мою мать, когда по зову сердца пошёл защищать соседнюю страну – Оссу, первую столкнувшуюся с невежеством и жестокостью приш-

лых. Тысячелетия существовавший мироуклад пошатнулся и навсегда изменил свой облик. Пришлые народы были такими же людьми, но, жрецы говорили, в них горел совсем другой огонь – не земной. Благодаря алланитам в мире снова воцарился мир, а пришлые больше не воровали наших женщин и детей, не убивали мужчин. Отец решил не возвращаться в Аллантию и также по зову сердца остался в Оссе – стране моей матери. Когда я родилась, он мне много рассказывал о том, откуда он родом, он научил меня своему языку – ведь это был и мой язык тоже. Отец несколько не сожалел, что больше никогда не увидит своих родных, потому что чувствовал, что его место было там, где были мы – его семья.

Если про народ моего отца говорили, что они вышли из большой воды, то про народ моей матери легенды писали, что они – дети земли. Моя мать была очень красивой, как и все женщины её большого рода. Она обладала удивительной способностью слышать и чувствовать землю под ногами, этой же способностью обладала и я. «Твоё предназначение – быть любовью, Дельфания», – эти слова как что-то мне предначертанное всегда слетали с её уст, когда она, словно в трансе, смотрела в воду. Маленькая, я не понимала, как она что-то видит в воде, но она видела. Этот дар тоже во мне откроется много лет спустя, но не тогда, когда я что-то смогу благодаря ему изменить в своей жизни.

Когда земной огонь выбрал брошенный мной жребий, моей первой мыслью было то, что теперь я больше никогда не

смогу быть с Ахмаром вместе. В этом ли моя мать-оссийка видела моё предназначение: быть любовью для того, кого не любишь? Так или иначе сейчас я была в стране моего отца, где долг считался превыше всего, и часть меня действительно в это верила, но была и другая часть, которая просто хотела быть с тем, кого любишь, без всяких условностей, как любили друг друга мои мать и отец...

Три помощницы из храма земных жриц и один посвящённый алланит из храма Солнца готовили меня к ритуалу с правителем. Воздух во всей империи был как никогда напряжён, все чувствовали грядущую войну, щупальца которой опять потянулись к Оссе. На кону стояло будущее не только страны моего отца, но и страны моей матери – их вера и традиции были во многом схожи, и я это прекрасно понимала, – и это чувство долга руководило всеми моими действиями.

Я не сравнивала себя с жертвой любви, я шла на то, что я умею, на то, для чего я здесь. Мои помощницы делали сейчас со мной всё, что три года подряд я делала для Ялаллы, чтобы та смогла поднять из земли энергию, достаточную для её мужа-правителя. Я всегда чувствовала свой бурлящий внизу живота источник. Те, кто смотрел на меня, говорили, что я даже дышу окутывавшей моё тело любовью. Я по неписанному праву носила чёрные шёлковые одеяния верховной жрицы, потому что так хотела не я, так хотела Земля, и для этого я пришла сюда – на её зов.

Наибольшая сила проходит через женщину в момент её

наивысшего удовольствия – оргазма. Это сила просто льётся из её лона, её невозможно не ощущать; она становится кислородом, который переливается золотом и серебром, и ты вдыхаешь его в себя, будто пьёшь благословенный нектар Бога...

«Она готова», – сказал алланит из храма Солнца, и правитель вошёл в моё тело, которое как лавина потекло в него раскалённой добела магмой.

Первая брачная ночь. Гарольд одним движением разорвал мою одежду невесты, которую я своими руками в течение нескольких месяцев специально расшивала для этого момента. Я просыпалась на рассвете, и в каждый стежок вкладывала молитвы и пожелания любви, которые шли из моего сердца, но моё столь искусно сплетённое кружево оборвалось, а вместе с ним и все мои надежды на женское счастье. Мой законный муж так сильно сжал мои соски, что я заплакала. Гарольд продолжал смотреть на моё незащищенное перед ним тело, будто от того, что он мне делает больно, он получал ни с чем несравнимое удовольствие.

«На колени!»

Я послушалась его. Он поднял свою рубаху и с силой прижал моё лицо к тому, что было у него между ног. Я никогда раньше не видела голого мужчину, во мне поднялось такое отвращение, что я вырвала. Он рассмеялся и как котёнка швырнул меня на кровать. Первый раз в своей жизни я ис-

пытывала казавшуюся мне невыносимой боль, которая без остановки пронзала моё тело снова и снова.

Когда всё кончилось, король сорвал с меня остатки моего нательного платья и довольный вышел из комнаты. Я знала, что будет дальше: ему нальют в кубок вина, и он как победитель поднимет перед всеми мою окровавленную свадебную одежду и прокричит, чтобы все в замке его слышали: «Она моя! Её кровь моя!» Именно так Гарольд и поступил – как и все владевшие землёй мужчины в Воландрии.

Как раненая кошка я лежала, обхватив руками свои колени. Меня всю трясло, но не от холода и уже неощущаемой мною боли, а от осознания того страшного, что со мной только что произошло.

Глава 11. Лиз

Я была на пятом месяце беременности. На УЗИ сказали, что у нас с Андреасом будет мальчик. Мой врач меня успокаивала, говоря, что токсикоз должен закончиться к концу третьего месяца, но я по-прежнему каждое утро рвала в ванной комнате, меня тошнило, а запах самого любимого человека стал меня просто раздражать, порой доводя до сумасшествия.

Я могла то плакать, то смеяться, а могла закрыться в нашей спальне и дрожать от панического страха, обхватив обеими руками подушку и с силой прижав к себе колени. Я не знала, откуда взялись во мне опасения, что за мной придут и убьют. Я даже попросила Андреаса, чтобы при мне он не брал ножи на кухне: в глазах, как какое-то смеющееся злым смехом наваждение, появлялись дикие картины резни и детские крики. Обидно то, что я видела это реально, но ни мой муж, ни мой доктор мне не верили, списывая всё это на побочные эффекты моего нынешнего положения. Всем, чем они могли мне помочь, – это прописать успокоительные, но жуткие картинки не спешили никуда уходить, и я была вынуждена проживать их наедине сама с собой.

Иногда меня посещала мысль, что, возможно, мои наваждения и впрямь вызваны моей беременностью. Тогда я начинала изводить себя виной и считать, что Андреас без вся-

ких серьёзных оснований всё это терпит от меня. Но, к моему счастью, Андреас ни разу не сорвался, не накричал на меня, он был рядом, окружая меня своей заботой и теплом. Я немного успокаивалась, но ненадолго. Потом меня с головой накрывал токсикоза, и мне снова казалось, что я ненавижу его, и теперь я без всяких сожалений винила его во всём, что со мной происходит, но я не могла ему в этом открыто признаться.

Вдобавок ко всему меня очень сильно расстраивал факт, что работа над «Дельфанией» остановилась. Я так ждала окончания первого триместра, надеялась, что смогу снова писать как прежде. Но на третьем месяце на мои глаза словно упала белая пелена. Я испробовала все известные мне писательские приёмы, но ничего нового мне не приходило. Я открывала свой компьютер, смотрела на чистый лист и не могла выдать из себя ни строчки. Я больше не видела событий. До этого картинки сами появлялись в воображении, я даже отчётливо слышала голоса персонажей, смотрела их глазами и чувствовала то же, что и они. Но всё куда-то ушло, словно меня кто-то по злому умыслу отключил от той жизни.

Видя, как мне тяжело, Андреас записал меня на курс психологической поддержки для беременных женщин. В группе нас было десять человек, и всем кроме меня было страшно рожать. Меня как-то вообще не волновал вопрос самих родов, что я не справлюсь и мне сделают кесарево сечение. Одна женщина так боялась вероятности этой операции – хотя

у неё не было никаких показаний к ней, – что этим страхом она заразила полгруппы, и этот страх вылился в новую истерию и последующие за ней обсуждения, будто такие роды, то есть через операцию, неестественны, и ты не станешь настоящей женщиной. Я считала, что любые роды естественны, поскольку женское тело инстинктивно знает, что, как и когда ему делать, чтобы на свет появился малыш. И я не боялась боли, которая возникает при схватках и в пух и прах разбивает все грани твоей терпимости во время потуг, но меня ужасало то, о чём никто в группе не задумывался – что будет потом, когда женское тело уже исторгло из себя новую жизнь. Почему я не могла нормально воспринимать картинку «счастливая мать держит на руках своего новорожденного ребёнка»? При мысли об этом, меня всю сразу коробило, и я старалась переключиться на свой роман, но и там у меня предательски ничего не выходило.

Однажды на занятии кто-то поднял вопрос о душе ребёнка: кто через нас пройдёт в этот мир? какой урок несёт ребёнок для своих родителей? Началась оживлённая дискуссия. Так внимательно я ещё никогда не слушала, потому что на задворках моего сознания то и дело выглядывал ставший уже навязчивой мухой страх, что кто-то – ребёнок? – придёт и убьёт меня. Одни считали, что душа ребёнка заключает с душами родителей контракт; другие более ортодоксальные будущие мамы полагали, что детей назначает сам Бог, что мы не выбираем, кто станет нашим сыном или дочерью; тре-

ты вообще молчали, так как то ли они не придавали особого значения поднятой теме, то ли у них не имелось ничего об этом сказать – я не знаю, – но я молчала вместе с ними, потому что для меня было куда важнее прислушиваться к себе, смотреть на реакцию моего тела – на какую идею и как оно откликнется.

Слова одной женщины запали глубоко в моё сознание. Она предположила, что вполне может быть и другой вариант: в своих прошлых жизнях мы – отец и/или мать – уже не раз пересекались с душой будущего ребёнка, и, возможно, в тех совместных воплощениях мы сделали друг другу что-то очень плохое – в этот момент у меня почему-то как цепями сковало живот, – и эти события создали соответствующий отпечаток в ауре души, и теперь рождение – это шанс всё исправить. «Или ещё больше всё усугубить», – я закончила про себя эту мысль.

Выйдя из зала наших встреч, я уже была вся не своя. Еле дождалась вечера, чтобы поделиться своими соображениями с Андреасом:

– А если наш ребёнок – это наш враг в прошлой жизни или убийца?

Теперь меня ничем было не остановить. Андреас парировал:

– А если это мы были его врагами или его убийцами?

– В любом случае, это всё ужасно! Как мы будем на него смотреть? – я была в полной растерянности. – Он будет нам

мстить?

– Не преувеличивай, Лиз.

– Вот увидишь! Забыл, какие истерики дети закатывают родителям, когда те им что-то не покупают?! как они делают им всё назло?!

– Лиз, ну а если у нашего ребёнка другая история? Если в нём нет ничего страшного? Если... – Андреас умолк.

– Что если?

– Давай прекратим это дурацкое обсуждение. Лиз, оно явно не идёт тебе на пользу.

– Нет, уж. Закончи свою фразу: что если?

– Если ребёнок – просто подарок небес? – Андреас выдохнул.

– И всё? – столь нелепого ответа я не ожидала. – Нет, ты не понимаешь! Посмотри, что со мной происходит с момента, как я забеременела. Ты думаешь, это всё просто так? Просто такой подарок небес? Меня выворачивает наизнанку каждый божий день! Ну других же в группе не выворачивает! Они даже что-то своим... – я запнулась, – ну, тем, кто у них в животе... рассказывают, песни поют...

– Дорогая, – Андреас прижал меня к себе, – меня любили мои родители, тебя же тоже любили, да?

– Я ничего уже не знаю. – Я отстранилась от него и села на диван, закрыла ладонями лицо и заплакала. – А что если он убьёт меня ещё в моём животе? Или во время родов? Я читала статистику...

– Стоп! – резко прервал меня Андреас. – Никто тебя не убьёт, тебе же надо ещё закончить свой роман.

И тут я вдруг рассмеялась:

– Ага, моё воображение он точно уже убил.

– Посмотри на это с другой стороны, – Андреас сел рядом со мной, – ребёнок – это опыт, который нужен прежде всего тебе, – он смотрел на меня так мягко. – Чтобы ты завершила «Дельфанию». Ну или чтобы потом написала что-то новое. Чтобы твоя история кому-то помогла.

«Что-то в этом есть», – я стала потихоньку приходить в равновесие.

– Поцелуй меня. – Я не помню, когда в последний раз я так страстно целовалась с Андреасом. Во мне забурлило такое дикое желание, что я как кошка вцепилась своими когтями в спину мужа: – Возьми меня...

Мне хотелось заниматься с ним любовью до беспамятства. Вопреки тому, как было между нами принято, мне хотелось, чтобы он был со мной груб, чтобы подчинял меня своей негибавшей мужской воле, и мне хотелось подчиняться ему, чтобы потерять себя и ни о чём не помнить. Это была не я, но мне чертовски нравилось то, что хотела во мне эта новая я. Как будто я наконец-то позволила себе то, что было за пределами моих осознанных чувств и эмоций. Взглянув в момент нашей близости в такие ясные глаза Андреаса, я подумала, что он точно меня не убивал в прошлой жизни, ведь он меня любит. «А что если не было никаких прошлых жизней и у

нас есть только эта настоящая жизнь? – Тогда мне здорово повезло, что в этой жизни я люблю и меня любят. Будь что будет!» – я закричала не от боли, а от удовольствия, которое взрывалось во мне с неудержимой силой.

На следующее утро всё было иначе. Я начала не с привычных уже мне объятий с раковиной в ванной комнате, когда меня всю судорожно тошнило. Нет, всё было спокойно во мне, буря внезапно закончилась. Лёгкость. Хотелось летать. Я села за компьютер и с головой погрузилась в свой неоконченный роман. Слова шли с такой скоростью, что я едва успевала их записывать. Теперь у меня был другой план: чтобы с моей главной героиней было всё хорошо, так хорошо, как я верила, будет и со мной.

В мой кабинет вошёл Андреас, заспанный:

– С тобой всё в порядке?

– Да, любимый. – Я подставила свои губы, чтобы он меня поцеловал. – Только не говори, что я – твоя королева.

– Не буду, ты и так это знаешь.

Страна Владимира – это страна серебряных рос. Русия. На рассвете уходящие ввысь секвойи покрываются бесчисленными паутинками, которые сотканы из мельчайших капель божьей воды; их освещают лучи поначалу кажущегося холодным солнца; всё вокруг искрится, отчего внутри разливается какая-то необъяснимая благодать. Это была другая красота чем та, к которой привыкли мои глаза. Что меня здесь

ждёт и увижу ли я когда-нибудь снова свой дом? Хотя был ли у меня в действительности дом? И я не знала, почему Владимир решился на этот побег, ведь он мог и дальше служить своему королю и получать за это хорошую оплату. Я смотрела на его сильное тело, которое делало всё, чтобы спасти меня и моего сына, и кроме самой скромной благодарности к нему я ничего не чувствовала. Я боялась чувствовать и эту благодарность, потому что чувства значили для меня боль, о которой я знала не понаслышке.

– В моей стране тебя не будут унижать. Ты женщина, а женщин у нас уважают. Ни над тобой, ни над твоим ребёнком не будут смеяться. Ты дала жизнь, а это у нас ценится. Ты будешь вольной, и если захочешь, выберешь себе мужа, – Владимир всегда говорил сдержанно.

– Я не хочу мужа. Я только что от одного сбежала. – Это был первый раз, когда я открыто заговорила о своих желаниях.

Между нами повисло молчание. Владимир стал собирать наши вещи:

– Моя королева, нужно идти. До стана один день.

Глава 12. Дельфания

Я видела в Ахмаре то же, что видела в своём отце – силу, смелость, доблесть. Я не раздумывала, могу ли я ему доверять, я это чувствовала, и если он говорил, что с ним я в безопасности, он сделает всё, чтобы так оно и было. Я не спрашивала ни про его семью, ни про его положение. Когда он нашёл моё тело, выброшенное на берег Атлантикой, он не задавал никаких вопросов, он давал мне возможность быть собой и открыться ему по моей готовности. Такое же право теперь давала ему и я, согласившись ехать с ним в Арру – столицу Аллантии.

По маленьким золотым подковам, служившим на его одежде застёжками, я поняла, что он был в числе тех, кто управлял армией: точно такие же подковы притягивали мой взгляд и мои детские пальцы, когда я пробиралась в комнату родителей: форма отца, которую он практически никогда не надевал, висела на видном месте, всегда безупречная. Во главе армий алланитов стояли воины, которых сама война ставила на места предводителей, и они всегда сражались бок о бок с другими бойцами. Алланиты верили в судьбу и считали, что если воин падёт, на его место встанет тот, кто должен там быть после него. Они не боялись смерти, и в этом я на собственном опыте смогу потом убедиться.

Наши лошади остановились у белоснежного каменного

храма. Навстречу к нам вышла женщина в длинных чёрных одеяниях. Она поприветствовала Ахмара, склонив перед ним голову. Ахмар сделал то же самое, затем помог мне спуститься – в Оссе мало кто ездил на лошадях.

– Это Сирия – твоя наставница. Я обо всём договорился. Ты будешь жить в храме до момента, когда ты сама решишь свою судьбу: остаться здесь или уйти.

Сирия взяла мою руку, и меня словно пронзил магнетический ток:

– Она останется, ведь пути её уже привели сюда, – Сирия прижала меня к своей груди, как когда-то прижимала меня к себе мать.

Моё сердце чувствовало, как пылает её сердце, и я впервые после всего того, что пережила в Оссе, расплакалась. Она посмотрела в мои глаза, и неосознанно я каким-то образом передала ей картинку резни, боли и страданий, через которые прошла, а Сирия в ответ мне показала женский круг, внутри которого горело большое розовое пламя, напоминавшее мне тысячи лепестков, собранных вместе. Ахмар понял, что ему пора уходить, а мне пора исцелить свои душевные раны. Я была счастлива, что попала сюда, но в то же время, мне было грустно расставаться с воином, спасшим мою жизнь. Я не знаю как, но Ахмар без слов сказал мне, что будет рядом – я слышала его мысли...

И вот настал день моего первого совершеннолетия, день, когда я становилась готовой творить жизнь, потому что моя

кровь теперь питала землю. Отныне я должна буду следить за своими эмоциями и состояниями, так как на меня возлагалась большая миссия – быть сосудом Матери-Земли.

В храме по этому случаю был устроен праздник, подготовка к которому велась особенно тщательно. С первыми лучами солнца все жрицы собрались в саду чтобы совершить омовение росой. Затем мне и другим молодым девушкам, вступившим в свои первые дни крови, распустили и расчесали волосы. Мы сняли свои старые одежды и предстали перед мягким утренним солнцем, которое напитывало нас своей силой. Прохладные капельки воды, образовавшиеся за ночь между небом и землёй, дарили лёгкость, сообщали нашим телам секрет вечной молодости. Вместе с росой по нашим ногам текла кровь, которая окропляла землю под босыми стопами. Я стала ощущать едва выраженное гудение внизу своего живота, как будто созревший во мне бутон сообщал, что он готов распуститься. Мы пели и танцевали, дарили земле приготовленные фрукты и овощи, произносили свои обеты и обещания.

Мне и другим девушкам выдали их первые чёрные платья, сшитые из мягкой хлопковой ткани. Чёрный цвет у аллани-тов считался цветом земной плоти, и его могли носить только те, кто был способен рожать материю во всех её проявлениях – эти и другие таинства мне ещё предстояло узнать на многочисленных встречах, на которых Сирия по крупинкам будет раскрывать лепестки женской мудрости.

Со дня моего посвящения я уже полноправно принимала участие во всех событиях и ритуалах храма. Здесь никто не был привязан к своим обязанностям, каждый был волен в своём выборе, каким бы тяжёлым или лёгким он ни казался, поэтому в своём выборе я следовала текущему через меня внутреннему зову, и меня сразу охватывала блаженная лёгкость для всего, что просилось свершиться через мои руки.

Я так привязалась к Сирии, что проводила с ней времени даже больше, чем предполагали занятия в храме. По лицу наставницы было невозможно догадаться, сколько ей лет, но то, что она нам рассказывала о женщине, о любви, о земле, я воспринимала как высочайшую истину. Я чувствовала, что мир вокруг меня действительно устроен так. Но я также не могла забыть пережитый мною ужас, когда убили мою мать, когда без полученного согласия пришлые мужчины на моих глазах разорвали своей похотью плоть моей наставницы в нашем маленьком храме с чистой водой в Оссе.

Всеми своими переживаниями я свободно делилась с Сирией и с другими девушками нашего круга, потому что они могли чувствовать мою боль и смотреть моими глазами – этой способностью обладали все атлантййки, если их сердца были открыты, а женский огонь достигал центра чуть выше груди. Я тоже была наполовину атлантйикой и в этом смысле ничем не отличалась от моих новых подруг. Для себя я поняла, что в мире есть те, кто отошёл от истины, но это совсем не значило, что истины в мире нет.

Ахмар часто навещал меня, и с каждой встречей нас всё больше друг к другу тянуло. По моим ногам быстро-быстро начинал бежать земной ток, такой же какой нас Сирия учила поднимать из земли на наших занятиях, только во много раз сильнее. Я чётко слышала своё тело, говорившее мне, что моё лоно выбрало его. Это должна быть любовь до черты, пока смерть не разлучит наши души. Но сердце Ахмара было наполовину скрыто от моего сердца, и он не передавал мне никаких мысленных картинок, чтобы я могла понять причину. Я вспоминала слова своей матери «есть так, как есть» и принимала такое положение между нами. Любовь никогда не противится судьбе, и это была одна из прошитых в меня истин.

Я смотрю на свои жизни, как будто пролистываю старые книги. Хотела ли я поступить иначе? Может, и хотела. Могла ли я поступить так, чтобы сейчас всё было по-другому? Нет, не могла. Какой урок я должна постичь и как пройти его, если мой же смысл скрыт сейчас от меня?

Я попала в пространство, которое я сама для себя сшила из тех счастливых кусочков, с трепетом лелеемых моей душой. Вот они – рассыпанные под ногами звёзды, бескрайние варианты моих многочисленных судеб. Смотрю на свой путь. Почему я следовала здесь, но не проходила там? Ведь на самом деле так легко сменить свою реальность, но эта лёгкость всегда казалась чем-то непреодолимым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.